

Научное познание человека и ценности*

Б. Г. Юдин

(Институт философии РАН)

Комплексное изучение человека стоит перед методологической проблемой преодоления жестких разграничительных линий, которые разделяют подход к человеку как природному существу, с одной стороны, и как к образованию в существенной мере надприродному — с другой. Эта проблема не разрешается путем установления границ между естественными и гуманитарными науками. Автор считает, что с позиции ценностей человек выделяется среди всех возможных объектов познания, и это ценностное основание становится исходным для различения двух типов научного познания: объектом одного является человек, объектом другого — все, что не относится к роду человека. Следовательно, к первому типу относится и познание человека как природного, биологического существа, и познание его как существа надприродного — социального, куль-

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ (грант № 13-33-11120).

The article was prepared with the support from Russian Foundation for the Humanities (grant No. 13-33-11120).

турного, духовного и т. п. Взаимодействие биологического и социального при этом понимается как то, что имеет место, является значимым и реализуется не в некоторых выделенных точках континуума человеческого существования, а на всем его протяжении. А это значит, что их взаимодействие можно — при желании и определенном настрое мысли — обнаружить в любой точке этого существования.

Далее рассматриваются два примера ситуаций, когда учет такого взаимодействия крайне важен. Первый относится к сфере биомедицинских исследований, где возникает различие между «человеком вообще» и «человеком-как-испытуемым». Показано, что японский исследовательский центр «Отряд 731», разработавший в годы Второй мировой войны биологическое оружие, применял его на заключенных. Работники центра называли этих людей «марута» (по-японски — «бревна»). Это позволяло относиться к испытуемым как к «не совсем людям». Второй пример связан с двойственным отношением к применению технологии плацебо при проведении биомедицинских исследований.

Ключевые слова: человек, науки о человеке, ценности, биомедицинские исследования, биологическое и социальное.

Заметное место в истории наук о человеке занимает проблематика сопоставления познавательных установок и ценностей, характерных для естественных, с одной стороны, и гуманитарных наук — с другой. Одной из форм, в которых находила выражение эта проблематика, было различие и даже противопоставление обоих этих типов наук в целом.

Так, В. Дильтей видел специфику гуманитарного знания, или, в его терминологии, наук о духе, в следующем. Если в науках о природе изучаемые предметы даны нам внешним образом, так что мы сами, используя различного рода гипотезы, должны конструировать связи между этими предметами, то для наук о духе характерно внутреннее восприятие, так что изучаемое нами дано нам непосредственно и при том как нечто уже до всяких наших познавательных усилий взаимосвязанное. «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем», — писал В. Дильтей (Дильтей, 1996: 16). Дильтей видел различие прежде всего в изучаемом предмете: природе — в одном случае и духе — в другом, лишь после этого — в направленности познавательного процесса (соответственно объяснению либо постижению).

В. Виндельбанд, критикуя дильтеевское разделение наук, предлагал различать их не по предмету, а по методу и специфическим познавательным целям. От наук номотетических, занимающихся выявлением и изучением общих законов, он отличает науки идиографические, ориентирующиеся на индивидуальные, уникальные феномены, такие, к примеру, как какое-либо историческое событие.

В обоих случаях, как мы видим, научное изучение человека оказывается разделенным между двумя типами познания. Либо мы подходим к человеку как природному существу, действия которого подлежат объяснению на основе некоторых общих законов. Либо же, пользуясь средствами гуманитарного познания, мы получаем возможность так или иначе постигать, понимать и интерпретировать его действия и поступки, но при этом имеем мало оснований для того, чтобы получить какие-то знания, выходящие за пределы данной уникальной личности и ситуации. С точки зрения возможности комплексного изучения человека средствами как естественных, так и гуманитарных наук мы оказываемся перед трудно преодолимым разрывом.

Отметим далее очевидную ценностную нагруженность такого рода противопоставлений. То, что относится к ведению естественных наук, выступает, с одной стороны, как нечто фундаментальное, базисное, основополагающее, с другой — в изве-

стном смысле как низкое, приземленное. Вообще говоря, естественный базис представляется жестким, малоподатливым по отношению ко всякого рода воздействиям и манипуляциям.

К области гуманитарного познания относится то в человеке, что подпадает под понятие возвышенного, как принято говорить — отличает человека от животного или же только и делает человека человеком. Эта сфера вместе с тем воспринимается как относительно хрупкая, менее надежная, податливая всякого рода влияниям.

Таким образом, среди методологических проблем научного познания человека мы фиксируем следующую: как возможно преодолеть те жесткие разграничительные линии, которые разделяют подход к человеку как природному существу, с одной стороны, и подход к нему как к образованию в существенной мере надприродному — с другой? При этом в искомом ее решении хотелось бы так или иначе удержать тот заряд ценностного противопоставления, который сообщает этому поиску, как, впрочем, и всему научному познанию человека, особую остроту и напряженность.

Попробуем в этой связи провести разграничительную линию иначе, чем это делали упомянутые философы. Будем различать два типа научного познания, взяв в качестве исходного ценностное основание, в частности, имея в виду то, что по сравнению со всеми возможными объектами познания человек является объектом ценностно выделенным, т. е. в этом — ценностном — смысле отличным от всех других объектов. Таким образом, объектом одного типа познания является человек, другой же тип познания направлен на все те объекты, которые мы не относим к роду человека.

Сходное разграничение можно провести и в том, что касается познания жизни, живых объектов, с одной стороны, и неживой природы — с другой (Юдин, 2004; 2005). Понятия «жизнь» и «живое» относятся к необозримому множеству объектов, которые мы, однако, в каких-то существенных отношениях считаем едиными. По поводу того, какова природа этого единства, существуют самые различные точки зрения. «Вместе с тем само сознание единства, которое предшествует всякому конкретному биологическому исследованию, является важнейшей конститутивной для биологического познания предпосылкой. Мысля нечто в качестве живого, мы тем самым мыслим это нечто так или иначе выделенным из порядка физико-химических объектов. По сравнению с ними объект биологического познания в некоторых основополагающих моментах дан нам и воспринимается нами существенно иначе» (Юдин, 1986: 164).

Истоки того обстоятельства, что наделенные жизнью объекты воспринимаются нами иначе, чем неживые, можно отнести к сфере практически-деятельностного отношения человека к миру. Действительно, впервые встретившись с неведомым ему доселе объектом, человек прежде всего решает для себя, является этот объект живым или неживым. И от того, как будет классифицирован объект, зависит и отношение человека к нему, и возможные формы и направления практического воздействия на него.

Таким образом, представления людей об объектах, наделенных жизнью, изначально характеризуются не только отнесенностью к специфическому классу объектов и явлений, но и специфическим же, эмоционально и ценностно окрашенным типом отнесенности к этим объектам и явлениям. Иначе говоря, человек не просто воспринимает некоторые объекты и замечает, что они наделены качеством жизни — само это восприятие строится на основе осмысления практики его взаимоотношений с такого рода объектами.

Первоначально, таким образом, познание живого, его свойств и качеств, т. е. биологическое познание, непосредственно вплетено в повседневную практическую жизнь человека, в его хозяйственную деятельность. В свою очередь, эта деятельность окрашена религиозными, эстетическими и нравственными мотивами. При этом необходимо подчеркнуть, что какими бы наивными, нелепыми и противоречивыми ни казались нам сегодня представления первобытных людей о живом, эта задача осмысления мира живого и ориентации в нем всегда должна была получать и получала то или иное конкретное решение в рамках данной культуры. Ответ биологического познания на запрос, исходящий от культуры, бывает необходимым здесь и теперь, поскольку он является самоопределением культуры в одном из ее фундаментальных аспектов.

Очевидно, биологическое познание, понимаемое таким образом, существует до всякой науки в собственном смысле слова и независимо от нее, а его единство, целостность обеспечиваются тем, что оно реализует особую культурно значимую функцию. Однако и с появлением науки и превращением биологического познания в один из ее разделов эта ценностная выделенность живого продолжает сохраняться, получая вместе с тем новые формы своего выражения. Познавательное отношение к живому обретает в контексте науки все большую степень самостоятельности, а воздействие на него практически-деятельностных и ценностных моментов становится все более опосредованным.

Становясь научным, биологическое познание начинает вместе с тем решать и такие задачи, которые характерны для науки в целом, а именно получение систематизированных, доказательных, обоснованных знаний о мире и выработка научных объяснений. Такие объяснения, относящиеся к тем или иным фрагментам этого мира, должны удовлетворять определенной исторически изменяющейся совокупности идеалов и норм — того, что называют стандартами или эталонами научности. С точки зрения культуры эти объяснения представляют собой построенные с помощью научных понятий ответы на мировоззренчески значимые (т. е. важные для ориентации человека в мире) вопросы, которые порождаются, разрешаются или воспроизводятся в ходе движения культуры, включая, разумеется, и саму науку.

Но если биология ставит во главу угла (артикулирует) отношение к жизни как ценности, давая этому отношению рациональное понятийное выражение и оформление, то наука в целом выявляет и утверждает ценность самого рационального познания, рационального отношения к миру. И на каждой стадии развития науки ее культурная задача получает то или иное решение, пусть в последующем оно и будет считаться неудовлетворительным.

Свою лепту в решение этой задачи вносит и биология как один из обширных разделов научного познания. Здесь, однако, возникает следующий вопрос: сохраняется ли в связи с появлением у биологического познания этой новой функции его традиционная культурная задача? Ответ на этот вопрос должен быть утвердительным; более того, сегодня необходимость решения специфической культурной задачи биологии раскрывается с небывалой доселе остротой.

Дело в том, что современное человечество благодаря развитию биологических наук и технологий получает в свое распоряжение колоссальный и быстро расширяющийся арсенал чрезвычайно мощных средств воздействия на живое. Сюда относятся, в частности, многообразные средства манипулирования с живыми объектами — всякого рода биотехнологии, генетическая модификация организмов и т. п. Еще не

достигнув могущества демиурга, способного создавать жизнь заново, человек оказался в состоянии полностью уничтожить ее. Поэтому ядром столь актуальной сегодня проблематики защиты окружающей среды является, по сути, вопрос о том, как сохранить существование и разнообразие жизни на Земле. При этом очевидно, что сохранение жизни в ее разнообразии выступает как задача, имеющая наряду с утилитарно-практической также и несомненную ценностную — нравственную, эстетическую и культурную значимость.

СООТНОШЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО

Аналогичный ценностно обусловленный водораздел пролегает, на наш взгляд, и между науками, изучающими человека, с одной стороны, и всеми остальными разделами научного знания — с другой. Вполне очевидно, что до всякого научного познания человека мы, люди, ориентируясь в окружающем мире, так или иначе отличаем, выделяем человека среди всех других объектов, с которыми нам приходится сталкиваться и взаимодействовать. Очевидно также и то, что это отличие человека от любых иных объектов несет в себе, помимо всего прочего, и ценностную составляющую.

При этом некий впервые встреченный человек — другой человек, воспринимаемый как нечто неизмеримо более близкое, чем любой другой живой, не говоря уже о неживом объекте, — вовсе не обязательно будет наделяться позитивной ценностью. Он может восприниматься и как незаменимый друг, и как смертельный враг. Существуют, очевидно, некоторые задаваемые культурой (а может быть, даже и природой, биологией?) репертуары, способы обычного реагирования на впервые встречаемого человека, и эти способы — при всем их многообразии — будут значительно отличаться от обычных способов реагирования при встрече со всяким другим объектом¹.

И, опять-таки, по мере формирования научного познания человека эти репертуары отношения к другому человеку, вообще говоря, никуда не исчезают, они не отменяются как ненаучные, неистинные, неверные и т. п. Более того, они и сами могут стать объектом научного анализа, критического осмысления, которое будет выявлять и их ценностные составляющие. Но, отметим, «выявить» в данном случае вовсе не означает преодолеть, нивелировать их действие.

Ценностную выделенность человека как объекта научного познания можно эксплицировать самыми разными способами, а потому едва ли имеет смысл рассчитывать на то, что разные исследователи в разных контекстах будут придерживаться при изучении человека единообразных ценностных установок. Напротив, несовпадения ценностных установок принято — и это вполне справедливо — трактовать в качестве фактора, вызывающего как неявные расхождения, так и открытые разногласия между исследователями. Отсюда проистекает вполне понятная интенция — как можно более основательно абстрагироваться от них и тем самым претендовать на общезначимость получаемых знаний.

Одним из очевидных следствий предлагаемого способа разграничения двух типов познания оказывается то, что к первому — ориентированному на человека — типу относится и познание человека как природного, биологического существа, и познание его как существа надприродного — социального, культурного, духовного и т. п. Поскольку нам здесь нет необходимости проводить более детальные различия, будем для краткости говорить о человеке соответственно либо как о биологическом организме, либо как о существе социальном.

Обсуждение вопроса о взаимоотношении в человеке биологического и социального, как хорошо известно, имеет богатейшую историю, которую мы также оставим за пределами нашего рассмотрения. Обратим внимание лишь на такую трактовку этого взаимоотношения, когда и одно, и другое понимаются как два различных континуума, которые существуют, вообще говоря, относительно независимо друг от друга, хотя время от времени и могут пересекаться в отдельных точках. В идеале мы стремились бы к такому описанию всех происходящих с организмом и в организме человека событий, которое будет опираться исключительно на биологические законы. Именно такое понимание соотношения биологического и социального, заметим, дает основания для того, чтобы утверждать как возможность, так и суверенность естественно-научного познания человека средствами и методами биологических наук. И напротив, другим, так сказать, равномошным идеалом было бы исчерпывающее описание всех происходящих с данным человеком событий на основе законов, относящихся к социальным явлениям и процессам.

В рамках строго методологического рассмотрения любое событие, происходящее на пересечении социального и биологического континуумов, оказывается чем-то случайным, необязательным для каждого из них. Скажем, какое-либо резкое воздействие на биологический организм человека — к примеру, полученная им травма — может нарушить плавное течение процессов не только на уровне его организма, но и на уровне тех социальных взаимодействий, в которых он привычно участвует. При этом методологически корректным считается не то, чтобы отрицать саму возможность каких-либо воздействий на биологию со стороны социального, но видеть в них не более чем препятствие, искажающее общий ход изучаемых процессов и явлений, то, влияние чего надо уметь если не полностью нейтрализовать, то по возможности минимизировать.

Очевидно, такая установка предполагает восприятие и изучение биологического человека как не более чем одного из представителей класса природных объектов. Но здесь можно задаться вопросами: а) является ли такая установка «естественной» — в смысле совершенно необходимой — для естественно-научного познания человека и б) является ли она единственно возможной? С нашей точки зрения, это не так.

Обязательность такой установки, более того, ее ограниченную адекватность отмечал еще Роджер Бэкон, писавший: «Чрезвычайно трудно и опасно выполнять операции на теле человека. Действенные и практические науки, выполняющие свою работу на неодушевленных телах, могут множить свои эксперименты до тех пор, пока не избавятся от дефектов и ошибок. Врач не может так действовать из-за благородства материала, на котором он работает, — это тело не допускает ошибок при оперировании на нем, вот почему опыт в медицине дается так трудно» (цит. по: Bull, 1959: Электр. ресурс). В этом высказывании прежде всего бросается в глаза то, что Р. Бэкон фиксирует некоторые специфические сложности, возникающие тогда, когда врачу приходится осуществлять манипуляции с телом человека. (В данном случае речь идет не об исследователе, а о враче, но, очевидно, сути дела это никак не меняет, тем более что здесь упоминаются и науки, и эксперименты.) Бэкон говорит о методических сложностях, связанных с таким манипулированием, но сами эти сложности имеют, очевидно, ценностные основания — «благородство материала», который, таким образом, отличен от всякого другого материала, с коим приходится экспериментировать.

В целом же мы можем понимать взаимодействие биологического и социального как то, что имеет место, является значимым и реализуется не в некоторых выделенных точках континуума человеческого существования, а на всем его протяжении. А это значит, что их взаимодействие можно — при желании и определенном настрое мысли — обнаружить в любой точке этого существования, хотя, конечно, далеко не всегда такая задача бывает актуальной. Отметим, что такое понимание взаимодействия биологического и социального, вообще говоря, вовсе не требует редукционистских подходов, будь то сведение социального к биологическому либо, наоборот, сведение биологического к социальному. Поэтому во многих случаях от этого взаимодействия можно безболезненно абстрагироваться. Тем не менее вполне возможны такие познавательные ситуации, когда учет этого непрерывного взаимодействия позволяет получить нетривиальные результаты. Рассмотрим в этой связи два примера.

МАРУТА-ТЕХНОЛОГИЯ

Первый пример относится к сфере биомедицинских исследований, в частности к тому, что принято характеризовать как этическое сопровождение исследований. В ходе биомедицинского исследования имеет место взаимодействие по меньшей мере двух сторон: исследователя и испытуемого. Институциональный² интерес исследователя, вообще говоря, состоит в том, чтобы получить новые знания, относящиеся не только и не столько к испытуемому, сколько к человеку как таковому либо к определенной категории людей, выделенной по тем или иным признакам. К примеру, это может быть популяция мужчин в возрасте от 40 до 50 лет, страдающих ишемической болезнью сердца. Задачей же исследования в этом случае может являться, скажем, определение того, какой эффект на состояние здоровья испытуемых оказывает применение того или иного изучаемого лекарственного препарата.

Эта задача, как и необходимые пути и средства ее решения, при подготовке и проведении исследования так или иначе фиксируется исследователем. Нас же здесь будут интересовать те неявные предпосылки, на которые он при этом опирается. Более конкретно речь пойдет о предпосылках, касающихся понимания человека. Очевидно, исследователь абстрагируется от множества деталей и частных, относящихся к каждому отдельному испытуемому, от его жизненных интересов и устремлений; из всего этого многомерного пространства исследователь «вырезает» определенное подпространство, с которым он и работает.

Таким образом, человек вообще и человек-как-испытуемый — это далеко не одно и то же. Будем понимать под *антропологией биомедицинского исследования* выявление тех предпосылок относительно человека как испытуемого, которыми руководствуется исследователь, планирующий и реализующий свой исследовательский проект. Несмотря на то что эти предпосылки чаще всего не осознаются исследователем, они тем не менее в существенной мере определяют круг проблем, которые могут осмысленно ставиться как проблемы, подлежащие изучению, и которые в принципе могут быть решены в ходе исследования. Иными словами, если исследование вообще понимать как вопрошание, тогда то, что мы, собственно говоря, вопрошаем, в существенной степени обусловлено тем, о чем и у чего мы вопрошаем.

Когда же речь идет об исследовании, проводимом на человеке, то здесь по сравнению со всеми другими исследованиями возникает дополнительная сложность: важно не только то, о чем мы вопрошаем, но также и то, о ком мы вопрошаем, а это раз-

личие порождает массу самых разнообразных нюансов. Таким образом, антропология биомедицинского исследования — это один из путей осмысления того, что такое вообще есть биомедицинское исследование и, далее — того, на получение чего мы, методологически грамотно подходя к проектированию биомедицинского исследования, вправе рассчитывать при его проведении.

Рассмотрим теперь два различных варианта антропологии биомедицинского исследования, расхождения между которыми могут доходить до противоположности. Первый из них является первым, изначальным и с исторической точки зрения; он же, вообще говоря, всем нам представляется и более привычным. Его, быть может, самое контрастное выражение можно будет найти, вернувшись ко временам Второй мировой войны.

В те годы в оккупированном Японией Китае, недалеко от Харбина, действовал японский исследовательский центр — знаменитый «Отряд 731» (см.: Моримура, 1983). Его главной задачей была разработка биологического оружия. Те или иные разновидности этого оружия испытывались в ходе экспериментов на людях; в качестве испытуемых использовались заключенные, которых привозили в специальную тюрьму, расположенную на территории этого отряда. В декабре 1949 г. в Хабаровске проходил судебный процесс, в ходе которого на скамье подсудимых оказались те, кто готовил и проводил эти эксперименты. Материалы процесса были опубликованы, благодаря чему стали доступными уникальные материалы и свидетельства, касающиеся одного из наиболее жестоких эпизодов в истории биомедицинских исследований (Материалы судебного процесса ... , 1950; Юдин, 2009; Yudin, 2010).

Характерно, что испытуемых-заключенных при этом деперсонифицировали: они лишались имен, а те, кто работал в отряде, называли этих заключенных «марута», в переводе с японского — бревнами.

В литературе, посвященной «Отряду 731», выдвигаются различные версии того, зачем это делалось. Согласно наиболее распространенной версии целью такой деперсонификации была психологическая защита: если исследователи, как и все те, кто имеет дело с этими испытуемыми, не воспринимают их как людей, то психологически будет легче подвергать этих людей всему тому, что предполагалось делать с ними в ходе экспериментов.

Каковы же были ценностные основания и моральные предпосылки, делавшие возможным проведение жесточайших экспериментов в массовых, если угодно — индустриальных, масштабах? Этот вопрос можно сформулировать и таким образом: как должны понимать человеческое существо те, кто считает допустимым подвергать пыткам и жестокостям так много людей? Отдельный жестокий поступок можно объяснить случайностью; однако, принимая во внимание масштабы этих экспериментов, мы должны допустить, что у экспериментаторов были какие-то обоснования, позволявшие им принять такого рода исследования. Безусловно, сама по себе жестокость, имевшая место в «Отряде 731», отнюдь не уникальна: история человечества изобилует такого рода примерами. Тем не менее можно попытаться понять некоторые аспекты такого рода практик, реализовывавшихся в области биомедицинских исследований.

Прежде всего, необходимым условием применения такого рода технологий является различие «мы» и «они». «Мы» — это те, кто проводит эксперименты наряду с теми, кого экспериментаторы относят к той же самой категории. «Они» принадлежат к другой категории и могут в какой-то мере рассматриваться как «нечеловеки».

Наиболее распространенной основой такого различия является раса или этничность. И в нашем случае это основание нашло свое применение. Вот что пишет Дж. У. Доуэр о японской теории расового превосходства: «Первой расой — расой хозяев — были японцы, второй — родственные расы, такие как китайцы и корейцы, а третьей — раса гостей, состоящая из островных народов, таких как жители Самоа. Все неазиатские расы рассматривались как низшие формы жизни, которые должны быть подчинены Японии» (Dower, 1986: 8; пер. мой — Б. Ю.). Это означало, что можно приносить в жертву людей тех рас, которые считались низшими.

Действительно, вопрос о расе играл существенную роль при выборе испытуемых. В литературе нет упоминаний об использовании в таком качестве японцев. Однако большинство экспериментов было проведено над теми, кто принадлежал к одной из «родственных рас», на китайцах. Это значит, что расовый критерий был не единственным для категоризации «мы» и «они».

Другое основание, использовавшееся японскими военными, — это выбор испытуемых среди вражеского населения, будь то действительные или возможные враги. Так называемые законы военного времени, вообще говоря, очень часто толкуются как оправдание самых разных жестокостей, включая и ужасные эксперименты. Дополнительным оправданием было сформулированное Исии Сиро, генерал-лейтенантом медицинской службы, идейным вдохновителем и организатором «Отряда 731», специфическое понимание военной медицины, которая «состоит не только в лечении и превентизации, подлинная военная медицина предназначена для нападения» (цит. по: Рагинский, 1985: 167).

В использовании названных критериев для различения между «мы» и «они» (сюда же можно добавить и приписывание к категории «они» пленных, преступников и т. д.) нет ничего специфичного. Подлинно уникальным и заслуживающим оценки в качестве некоторого социально-психологического изобретения является применение для обозначения испытуемых уже упоминавшейся категории «марута». Здесь мы имеем поразительный пример социального конструирования. Благодаря этому изобретению перед японскими исследователями предстали новые существа, новые объекты. Они обладали некоторыми общими свойствами с людьми, но не воспринимались как люди в подлинном смысле слова, они были *не-совсем-людьми*.

По свидетельству одного из подсудимых на Хабаровском процессе, генерал-майора медицинской службы Кавасима Киоси, подопытные назывались «бревнами» «в целях конспирации» (Материалы судебного процесса ... , 1950: 15).

Представляется, впрочем, что конспирация была отнюдь не единственной причиной. С. Моримура отмечает, что один из офицеров, работавших в «Отряде 731», сказал ему: «Мы не сомневались, что ведем эту войну для того, чтобы бедная Япония стала богатой, чтобы способствовать миру в Азии... Мы считали, что “бревна” не люди, что они даже ниже скотов. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал “бревнам”. Все: и военно-служащие, и вольнонаемные отряда — считали, что истребление “бревен” — дело совершенно естественное» (Моримура, 1983: 13).

Здесь, как мы видим, акцентируется «нечеловеческая» природа испытуемых — они воспринимаются как не более чем неодушевленный материал для исследований. Можно, таким образом, говорить о том, что использование термина «марута» обеспечивает психологическую защиту исследователей и персонала. Х. Акияма, который служил солдатом в «Отряде 731», вспоминал впоследствии, что только по простест-

вии определенного времени и вследствие эмоционального привыкания он стал индифферентным по отношению к страданиям тех, кого он привык воспринимать в качестве «бревен» (Акияма, 1958: 67).

Наряду с психоэмоциональным эта марута-технология имела и социальный смысл. В каком-то отдельном случае было бы весьма затруднительно воспринимать человеческое существо в качестве бревна. Если, однако, кого-то (и тех, кто его окружает) будут снова и снова побуждать согласиться с такой идентификацией, в какой-то момент он начнет соглашаться с тем, что это действительно так.

Применение марута-технологии давало двусторонний эффект. Во-первых, зло, в данном случае — жестокие эксперименты на людях, когда оно совершается систематически, принимает вид обычной, рутинной практики, чего-то заурядного, что не может вызвать такие глубокие чувства, как отвращение. Говоря словами Х. Арндт, зло становится банальностью (см.: Арндт, 2008). Во-вторых, марута-технология оказалась эффективной в качестве технологии *дегуманизации*. Выяснилось, что *некоторые биомедицинские эксперименты на людях можно проводить только тогда, когда исследователи перестают видеть в этих людях людей*.

Моримура проводит такое весьма значимое сопоставление: «В жандармерии, до отправки в отряд, каким бы жестоким допросам их ни подвергали, они (пленники. — Б. Ю.) все же были людьми, у которых был язык и которые должны были говорить. Но с того времени, как эти люди попадали в отряд, они становились всего лишь подопытным материалом — “бревнами”...» (Моримура, 1983: 5).

Среди документов, представленных на Хабаровском процессе, были выдержки из руководства по проведению допросов военнопленных, в котором описываются крайне жестокие методы пыток, для того чтобы получить достоверные признания (Материалы судебного процесса ... , 1950: 231–233). Однако при проведении допросов, при всей их жестокости, было необходимо относиться к пленному, пусть и врагу, как к личности, которая обладает некоторыми знаниями, может понимать вопросы и давать ответы и т. д.

Эти специфически человеческие свойства, впрочем, оказывались излишними, когда людей превращали в испытательные бревна. Становилось совершенно несущественным, являются ли они врагами или нет. Отныне главным, если не единственным, качеством, имеющим реальное значение, становилось состояние здоровья этих существ. Персонал «Отряда 731» предпринимал все усилия для того, чтобы те, кто выжил в ходе эксперимента, получали самое лучшее лечение и питание, чтобы их здоровье было восстановлено. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: действия, которые в нашей повседневной жизни мы склонны интерпретировать как выражение подлинной гуманности — дать заботу и пищу нуждающемуся, — оборачиваются своей противоположностью, злодейством, приготовлением к новым жестоким экспериментам. Как отмечает Моримура, для исследований «нужны были здоровые “бревна”. От подопытных требовалось только здоровье. Больше ничто человеческое за ними не признавалось» (Моримура, 1983: 6). Здоровье и питание принадлежат к числу фундаментальных человеческих потребностей; однако сомнительно, чтобы испытуемые, будь они должным образом проинформированы и спрошены, дали информированное согласие на такое лечение с перспективой последующих страданий. Таким образом, здесь мы имеем дело с двойной антигуманностью — фундаментальные потребности удовлетворяются только для того, чтобы еще раз превратить людей в бревна.

Вообще говоря, для того типа антропологии биомедицинских исследований, о котором идет речь, естественно представление об идеальном чистом эксперименте, когда, в частности, сняты все препятствия и помехи морального характера. Такая точка зрения достаточно широко распространена и сегодня. В этой связи будет уместно процитировать в высшей степени авторитетного философа Р. Харре: «Исследовательская этика возводит всякого рода барьеры для процедур выявления предрасположенностей и способностей у человека и во все возрастающей степени у животных» (Харре, 2006: 98).

Таким образом, основополагающим для такого типа антропологии биомедицинского исследования является представление о том, что человек-как-испытуемый — это не более чем биологический организм. Если пойти немного глубже в историю, то интересные рассуждения на этот счет можно найти у М. Фуко в «Рождении клиники» (Фуко, 1998). Фуко говорит о том, как формировалась практика биомедицинских исследований: в конце XVIII — начале XIX в., во времена Великой французской революции, возникают клиники, в которых содержатся пациенты-бедняки, не имеющие средств, чтобы оплачивать медицинскую помощь.

Бесплатная помощь в клинике, таким образом, выступает как своего рода благодеяние со стороны общества: общество как бы берет их на свое содержание, но в обмен на это они должны безропотно соглашаться на роль испытуемых: «Наиболее важной этической проблемой, которую порождала идея клиники, была следующая: на каком основании можно превратить в объект клинического изучения больного, принужденного бедностью просить помощи в больнице? ...Теперь его просят стать объектом осмотра, и объектом относительным, ибо его изучение предназначено для того, чтобы лучше узнать других» (там же: 135). Итак, эти бедняки, с одной стороны, имеют обязательства перед обществом, с другой стороны, они безответны, а с третьей стороны — и это очень существенный момент, — в клинике их много, а это важно с точки зрения возможности получать статистически достоверные результаты.

Таким образом формируется антропология биомедицинских исследований, которую можно было бы назвать антропологией типа 1. А затем, после Второй мировой войны, по мере того как человечество осмысливало исследования, проводившиеся прежде всего в нацистской Германии, начинает меняться само понимание биомедицинских исследований, их возможных и допустимых целей, практики их проведения. Начинает формироваться антропология медицинских исследований типа 2.

В рамках этой антропологии предполагается, что испытуемый — это не просто биологический организм, но еще и человек. Такая процедура современного биомедицинского исследования, как получение информированного согласия со стороны испытуемого, часто воспринимается как своего рода «довесок», который только затрудняет проведение исследования. Если, однако, попробовать осмыслить процедуру информированного согласия более широко, то *информирование* испытуемого в то же время выступает и как *формирование* субъекта, который будет участвовать в исследовании: подчеркнем еще раз, не просто информирование, но и формирование.

Субъект-испытуемый так или иначе осознает, для чего проводится данное исследование, каковы его цель и связанные с ним риски и т. п., и когда он дает свое согласие, то в некотором смысле становится со-участником исследования, берет на себя часть ответственности за исследование. Таким образом, понимание человека как

объекта биомедицинского исследования не есть что-то данное нам раз и навсегда, оно тоже исторически развивается.

Восприятие всего того, что относится к этическому сопровождению биомедицинского исследования, как каких-то помех и препятствий, вовсе не является единственным возможным. Более того, и понимание этического сопровождения как вещи необходимой, но не в собственно познавательном, а только в социальном отношении, также не является истиной в последней инстанции. Этику применительно к биомедицинскому исследованию можно помыслить и совершенно иначе, попытаться увидеть в ней не столько препятствие, сколько возможность рассчитывать на получение *более объемного знания о человеке*, который выступает в качестве испытуемого в биомедицинском исследовании. В конце концов, никто не может обязать нас понимать человека только как биологический организм или прежде всего биологический организм. Быть может, все обстоит намного сложнее, и те знания, которые позволяет получить в этическом отношении корректно задуманное и проведенное биомедицинское исследование, не просто не беднее, но в определенном смысле и богаче тех, которых в состоянии достичь антропология типа I?

ПЛАЦЕБО-ЭФФЕКТ

Наш другой пример относится к явлению, с которым тоже приходится иметь дело при проведении биомедицинских исследований, хотя явление это широко распространено и в рутинной медицинской практике. Речь пойдет о так называемом плацебо-эффекте. Под плацебо в данном контексте понимается безвредная (но и не предназначенная приносить пользу) субстанция, которую по внешнему виду нельзя отличить от действенного лекарственного препарата. Суть плацебо-эффекта в том, что терапевтически значимый результат, скажем, такой как улучшение самочувствия, у пациента может быть вызван не самим по себе биохимическим воздействием на организм принимаемого препарата, а психосоциальным влиянием контакта с врачом, тем, что пациенту сообщено о неоднократно подтвержденной эффективности препарата, и т. п.

По некоторым сведениям, эффект плацебо может проявляться в каждом третьем случае. Поэтому при проведении биомедицинских исследований предпринимаются специальные усилия (используется так называемый двойной слепой метод), для того чтобы компенсировать возможный плацебо-эффект. Участников исследования разбивают на две группы, основную и контрольную, проверяемый препарат получают только те, кто попал в основную группу, члены же контрольной группы получают плацебо. При этом ни сами участники, ни исследователи не знают, какая из групп является основной, а какая — контрольной. Если по результатам исследования обнаруживаются статистически значимые различия между двумя группами, то можно считать, что плацебо-эффект в данном случае удался преодолеть.

Иногда говорят также о ноцебо-эффекте, который противоположен плацебо-эффекту: в этом случае безвредная инертная субстанция оказывает, напротив, неблагоприятное воздействие на состояние пациента. По словам исследователя У. Кеннеди, который впервые предложил этот термин, действие ноцебо — это «то, что присуще пациенту, а не лекарству» (Kennedy, 1961). Очевидно, то же самое справедливо и применительно к эффекту плацебо. В обоих случаях мы имеем дело с последствиями того, что лекарство (или плацебо) принимает не сам по себе биологический организм, а пациент как целостная личность.

Эффект плацебо воспринимается, в частности, при проведении биомедицинских исследований как досадная помеха, для противоборства с которой приходится прибегать к специальным ухищрениям. Дело осложняется еще и тем, что эффект плацебо носит индивидуальный характер и не поддается стандартизации. Но и в этом случае мы можем задуматься о том, что коль скоро эффект плацебо есть проявление человеческой природы, то и в научном познании человека можно не только бороться с ним, но и пытаться использовать его как еще один источник вполне содержательных знаний о человеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При рассмотрении такого рода ситуаций представляется весьма перспективным обращение к исходным установкам тезаурусного подхода (см. в этой связи, напр.: Луков Вал., Луков Вл., 2013).

² Иначе говоря, обусловленный не какими-либо специфическими особенностями личности данного исследователя, а самой структурой той регулярно воспроизводящейся ситуации, в которой находится как он, так и другие исследователи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акияма, Х. (1958) Особый отряд 731. М. : Изд-во иностранной литературы. 152 с.
- Арендт, Х. (2008) Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М. : Европа. 424 с.
- Дильтей, В. (1996) Описательная психология. СПб. : Алетейя. 160 с.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.
- Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. (1950) М. : Государственное издательство политической литературы. 540 с.
- Моримура, С. (1983) Кухня дьявола. М. : Прогресс.
- Рагинский, М. Ю. (1985) Милитаристы на скамье подсудимых (по материалам Токийского и Хабаровского процессов). М. : Юридическая литература. 365 с.
- Фуко, М. (1998) Рождение клиники. М. : Смысл. 310 с.
- Харре, Р. (2006) Конструкционизм и основания знания // Вопросы философии. № 11. С. 94–103.
- Юдин, Б. Г. (1986) Методологический анализ как направление изучения науки. М. : Наука. 260 с.
- Юдин, Б. Г. (2004) Биологическое существование человека: культурные аспекты (начало) // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 87–93.
- Юдин, Б. Г. (2005) Биологическое существование человека: культурные аспекты (окончание) // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 79–85.
- Юдин, Б. Г. (2009) Из истории биомедицинских исследований на человеке: Хабаровский процесс 1949 г. // Вопросы истории естествознания и техники. № 4. С. 107–125.
- Bull, J. P. (1959) The Historical Development of Clinical Therapeutic Trials [Электронный ресурс] // Journal of Chronic Diseases. Vol. 10. No. 3. P. 218–248. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0021968159900049> (дата обращения: 12.11.2013).
- Dower, J. W. (1986) War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. N. Y. : Pantheon Books. xii, 399 p.
- Kennedy, W. P. (1961) The Nocebo Reaction // Medical World. Vol. 95. September. P. 203–205.
- Yudin, B. G. (2010) Research on Humans at the Khabarovsk War Crimes Trial: A Historical and Ethical Examination // Japan's Wartime Medical Atrocities. Comparative Inquiries in Science, History, and Ethics / ed. by Jing-Bao Nie et al. L. ; N. Y. : Routledge. P. 59–78.

Дата поступления: 10.12.2013 г.

SCIENTIFIC COGNITION OF HUMAN BEING AND VALUES

B. G. YUDIN

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Comprehensive human studies face a methodological problem of the overcoming of rigid dividing lines that separate the approach to human being as a natural creature, on the one hand, and as a substantially supernatural being, on the other hand. This problem cannot be solved by the drawing of the borders between natural and human sciences. The author conceives that a human being stands out among all other possible objects of cognition from the perspective of values. This axiological foundation becomes the initial for the differentiation of two types of scientific cognition: the object of one of them is human being; the object of the other is everything that does not relate to the human kind. Consequently, both the cognition of human being as a natural, biological creature and its cognition as a supernatural creature (social, cultural, spiritual, etc.) belong to the first type. Thus, the interaction between the biological and the social is considered as something that is evident, significant and realized not only in some specific points of the continuum of human existence, but over its whole duration. This means that their interaction can be discovered (if it is desired and made in a certain attitude of mind) in any point of the existence.

Further, the author examines two examples of situations when the consideration of such an interaction is extremely important. The first one relates to the sphere of biomedical investigations where a distinction between “human-being-in-general” and “human-being-as-a-test-person” appears. As it is known, the Japanese research center “Unit 731” which developed biological weapons during World War II, performed research on humans - the prisoners. The Japanese staff called these people “maruta” (“logs” in Japanese). The designation of humans as logs was used by the staff for deteriorating the value of the test persons as humans. The second example is connected with the dual attitude to the application of placebo technology in biomedical investigations.

Keywords: human being, human sciences, values, biomedical research, the biological and the social.

REFERENCES

- Akiyama, Kh. (1958) *Osobyi otriad 731* [Special Unit 731]. Moscow, Publishing House of Foreign Literature. 152 p. (In Russ.).
- Arendt, Kh. (2008) *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime* [The Banality of Evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow, Evropa Publ. 424 p. (In Russ.).
- Dil'tei, V. (1996) *Opisatel'naia psikhologiya* [Descriptive Psychology]. St. Petersburg : Aleteia Publ. 160 p. (In Russ.).
- Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyi podkhod k ponimaniu cheloveka i ego mira* [Thesauri II: The Thesaurus Approach to the Conceptualization of the Person and His/Her World]. Moscow, The National Institute of Business Press. 640 p. (In Russ.).
- Materialy sudebnogo protsesssa po delu byusbikh voennosluzhbashchikh iaponskoi armii, obviniaemykh v podgotovke i primenenii bakteriologicheskogo oruzh'ia* [Records of the Trial of the Former Military Personnel of the Japanese Army Accused of the Preparation and Use of Bacteriological Weapons]. (1950) Moscow, State Publishers of Political Literature. 540 p. (In Russ.).
- Morimura, S. (1983). *Kukhnia d' iavola* [Devil's Kitchen]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.).
- Raginskii, M. Yu. (1985) *Militaristy na skam'e podsudimykh (po materialam Tokiiskogo i Khabarovskogo protsessov)* [Militarists on the Dock (Adapted from the Records of the Tokyo and Khabarovsk Trials)]. Moscow, Yuridicheskaiia literatura Publ. 365 p. (In Russ.).
- Foucault, M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic]. Moscow, Smysl Publ. 310 p. (In Russ.).
- Harre, R. (2006) *Konstruktivizm i osnovaniia znaniia* [Constructionism and the Foundations of Knowledge]. *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 94–103. (In Russ.).
- Yudin B. G. (1986) *Metodologicheskii analiz kak napravlenie izucheniia nauki* [The Methodological Analysis as a Trend in the Study of Science]. Moscow, Nauka Publ. 260 p. (In Russ.).

Yudin, B. G. (2004) Biologicheskoe sushchestvovanie cheloveka: kul'turnye aspekty (nachalo) [Biological Existence of Human Being: Cultural Aspects (the beginning)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 87–93. (In Russ.).

Yudin, B. G. (2005) Biologicheskoe sushchestvovanie cheloveka: kul'turnye aspekty (okonchanie) [Biological Existence of Human Being: Cultural Aspects (the ending)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 79–85. (In Russ.).

Yudin, B. G. (2009) Iz istorii biomeditsinskikh issledovaniy na cheloveke: Khabarovskii protsess 1949 g. [From the History of Biomedical Human Subject Research: The Khabarovsk Trial of 1949]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, pp. 107–125. (In Russ.).

Bull, J. P. (1959) The Historical Development of Clinical Therapeutic Trials. *Journal of Chronic Diseases*, vol. 10, no. 3, pp. 218–248. [online] Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0021968159900049> (accessed 12.11.2013).

Dower, J. W. (1986) *War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. New York, Pantheon Books. xii, 399 p.

Kennedy, W. P. (1961) The Nocebo Reaction. *Medical World*, vol. 95, September, pp. 203–205.

Yudin, B. G. (2010) Research on Humans at the Khabarovsk War Crimes Trial: A Historical and Ethical Examination. In: *Japan's Wartime Medical Atrocities. Comparative Inquiries in Science, History, and Ethics* / ed. by Jing-Bao Nie et al. London ; New York, Routledge, pp. 59–78.

Submission date: 10.12.2013 г.

Юдин Борис Григорьевич — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (г. Инсбрук, Австрия). Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5. Тел.: +7 (499) 697-90-67. Эл. адрес: byudin@yandex.ru

Yudin Boris Grigorievich, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (philosophy), professor, chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, director of the Bioethics Center of the Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities, full member of the International Academy of Science (Innsbruck, Austria). Postal address: 14 Volkhonka St., B. 5, Moscow, Russian Federation, 119991. Tel.: +7 (499) 697-90-67. E-mail: byudin@yandex.ru